

1. БЕЗЫМЯНКА

День выдался на редкость жарким. Впрочем, это не мешало горожанам заниматься своими каждодневными делами. Вот и у почтенного булочника Эмба вовсю кипела работа. Покупатели сменяли друг друга, и пока перерыва в работе видно не было. Булочник присутствовал в лавке, общаясь с заходившими и отвлекая их от ожидания. Спешившие за хлебом люди замечали темную фигуру, сидевшую в крохотной тени возле крыльца, и морщились. Морщились, но молчали. Вот и девица Вэллей скривилась, но смолчала, постаравшись побыстрее прошмыгнуть мимо. Весь вид странной бродяжки внушал... нет, не ужас. Скорей, выражал боль. Сгорбившаяся фигура, пыльная и драная одежда невнятно-темных цветов, пряди абсолютно белых волос, паклей торчащие из-под капюшона. И длинные тонкие пальцы с обломанными ногтями, перебирающие короткие четки из темно-зеленых, почти черных бусин. Сумасшедшая, нищая и жалкая женщина. Никто не помнил ее имени, никто не знал, кто она и откуда. Так и прилипло к ней — Безымянка. Гильдия нищих не обращала внимания на ее существование. Безымянка не просила милостыню, не приставала к прохожим, не воровала еду и не пыталась отвоевать свое место под солнцем в этой клоаке. Она просто день за днем бродила по городу, изредка пристраиваясь в тени какого-либо дома. Попытки прогнать ее не увенчались успехом — она практически не обращала внимания на людей. Ударить ее никому и в голову не пришло. Когда-то нашелся один смельчак... Больше его не видели, а нищенка появилась вновь и какое-то время сильно хромала. Поговаривали, что она всего лишь прикидывается безумной, но попытки доказать обратное ни к чему не привели. И жители оставили ее в покое. Женщина по большому счету не мешала.

В какой момент стало известно, что Безымянка очень точно предсказывает будущее, — неизвестно. С тех самых пор отношение к ней стало чуточку уважительнее. Она могла отказаться гадать, но никто не обижался — что взять с безумной. Если есть отказ, значит, беспокоиться не о чем. О важных событиях — чаще бедах — нищенка предупреждала всегда. Не всех, но предупреждала. Чем она руководствовалась при выборе «жертвы», никто не знал. Кругом были вопросы, но люди смирились.

— Сударыня, — Эмб галантно поклонился вошедшей Вэлей, — вам как обычно?

Девушка кивнула и несколько напряженно произнесла:

— Почтенный Эмб, вы в курсе, что у ваших дверей сидит Безымянка?

Хозяин лавки слегка удивленно приподнял брови:

— Нет, — и моментально обернулся к помощнице: — Иртея! Вынеси ей хлеба и попроси уйти.

Вышеозначенная молодая особа на секунду замерла, но быстро опомнилась и кинулась выполнять приказание. Свежая краюха хлеба, отложенная в сторону из-за лопнувшей корки, пришлось как нельзя кстати. Прихватив еще и порезанное яблоко, завернутое в платок, — от себя лично, Иртея вышла на улицу. Нищенка никуда не делась, так же сидела, только четки периодически мелькали в ее пальцах.

— Здравствуй, — помощница спустилась с крыльца. — Тебе не жарко?

Она искренне сочувствовала женщине, интуитивно чувствуя, что та сошла с ума из-за какой-то беды. Какой — спрашивать бесполезно, да и не нужны ей чужие тайны.

Безымянка прекратила перебирать четки, придвинулась еще ближе к крыльцу и только тогда ответила:

— Нет.

Она крайне редко здоровалась. Неожиданно заговаривала и так же неожиданно замолкала. На вопросы отвечала неохотно и не всегда.

— Я свежего хлеба принесла. — Помедлив, Иртея протянула сверток.

Нищенка пожала плечами:

— Не просила.

— Хозяин велел. — Помощница все же присела рядом и ак-

куратно положила сверток на колени, прикрытые пыльным балахоном.

— Спасибо.

И Иртея решилась:

— Погадай?

Просьба прозвучала равнодушно. Она не ждала отказа, как не ждала и согласия. Безымянка никогда не объясняла, да и что может объяснить сумасшедшая? Примерно вот уже в течение трех месяцев раз в неделю девушка просила погадать, и каждый раз женщина отказывалась, но сегодня... Четки исчезли в широком рукаве, и в ладони тускло сверкнули гладкие камешки. С шорохом перемешались, рассыпались по пыли... Девушка затаила дыхание, пока гадалка рассматривала выпавший узор.

— Будет. — Изучив расположение, нищенка собрала камешки, тщательно оттирая их от пыли и складывая по одному в потертый мешочек.

Иртея сморгнула, не уловив, о чем речь:

— Что будет?

— Все будет. Что во сне недавно видела, то и будет.

— От и до?! — Сердце радостно бухнулось в ребра. Да и как же не разволноваться! Ведь снилась собственная свадьба! При чем с красивым мужчиной далеко не простого происхождения. Не ровня ей.

— Так не бывает, — нищенка развернула сверток и отломил кусочек хлеба, она всегда ела после гадания, — он издалека. Выберешь его — надо уехать. Не выберешь — проживешь всю жизнь в служанках. Второго шанса не будет. Езжай, не бойся, но матери его не верь.

— Ох...

— И никому не рассказывай. Не сбудется иначе.

— Но...

— Ленту свою любимую на гребень завяжи и держи под подушкой.

Девушка судорожно сглотнула:

— Когда? — и осеклась. И так было слишком много вопросов, но Безымянка ответила:

— Месяца через три — пять, — и замолчала, глядя невидящими глазами и тщательно пережевывая свежий хлеб.

— Спасибо тебе... — Иртея вздохнула, отрываясь от воспоминаний о сладком сне. — Может, к углу уйдешь? Там тень скоро будет.

— Эмб послал тебя?

— Д-да.

— Пусть сам выйдет.

И нищенка неожиданно осмысленно взглянула на Иртею:

— Ты — счастливый человек, девочка. И судьба у тебя счастливая.

Та вскочила, как змеей ужаленная. Страшным был этот взгляд синих глаз: ясным, всезнающим и полным неизбывной боли. Она зажмурилась, как делала всегда при испуге, и вновь открыла глаза. Наваждение исчезло — нищенка отламывала маленькие кусочки от свежего хлеба и меланхолично пережевывала. К яблоку она не притронулась.

— Я сейчас его позову, — и Иртея быстро метнулась в магазин.

Как, не привлекая внимания, сказать о том, что Безымянка его ждет, девушка не знала. К ее радости, хозяин ушел в подсобку, а там лишних ушей не водилось. Просьбу оказалось выполнить не так уж и сложно.

— Хозяин, — Иртея бочком втиснулась в помещение, — она отказалась уходить, пока вы не выйдете к ней сами.

Булочник осторожно поставил на полку большую стеклянную банку и только потом обернулся:

— Так и сказала?

Помощница кивнула. Эмб озадачился. Никогда раньше эта нищенка так себя не вела. Хотя, может, камни что показали? Безымянка лучше других читала будущее, и если б не безумие, то давно бы числилась среди уважаемых жителей города.

— Сейчас, разберусь здесь и выйду, раз уж просит, — мужчина смерил девушку подозрительным взглядом. — А что так долго? Гадала?

— Да, — Иртея смущенно кивнула.

— Судя по твоему виду — хорошее.

Девушка только голову опустила. Булочник усмехнулся и посуловел:

— Брысь работать!

Помощницу как ветром сдуло, а Эмб вздохнул. Не нравилось ему это все, но и не выйдешь — будет сидеть до последнего. Покупателям дискомфорт доставляет, и он как хозяин должен сделать все для его устранения. Именно поэтому уже через пять минут он спустился с крыльца и встал рядом:

— Иртея сказала, что ты хочешь меня видеть.

Безымянка поднялась, в очередной раз удивив булочника своим высоким ростом, и пошла прочь, бросив:

— С женой разберись. Гуляет. Тебя проклясть хочет.

Мужчина дернулся как от удара:

— Постой! Ты уверена?

Нищенка пожала плечами:

— Человеческий язык лжив, но камни врать не умеют.

Он только и выдохнул:

— Но почему?!

— У тебя хлеб вкусный.

Эмб так и остался смотреть ей вслед, пока она не свернула за угол. Ответ был не на тот вопрос, но большего ждать не приходилось. Он и раньше подозревал, что жена позволяет себе лишнее, но чтобы вот так? Он работает от зари до зари и всегда старался, чтобы любимая ни в чем не нуждалась, а тут... Может, и прав был отец, говоря, что ему надо чаще бывать дома. Вот и сдурела супруга после десяти лет совместной жизни. Булочник потрянул головой и медленно поднялся по ступенькам. Следовало серьезно обдумать и решить, что же делать дальше...

Безымянка очень долго бродила по городу. Кому-то гадала, кто-то сунул ей несколько апельсинов, но чаще всего она отказывала. Нищенка не решала, куда идти, зачем. Просто бродила от улицы к улице, где-то отдыхала, где-то гадала. Не задумывалась она и о том — откуда камешки, почему она так ясно видит будущие беды и радости других. Не у всех, не везде, но видит. Иногда она видела прошлое. И было оно чужим. Иногда горьким, иногда светлым. Вот только свое она не помнила. Затуманенный рассудок хранил лишь боль. Боль прошлого, боль утра, ты, но чем она вызвана, рассудок не мог рассказать.

И все же был в этом городе человек, знающий прошлое одаренной нищенки. Более того, он помнил ее имя.

Адальберт вывернул из-за угла, прищурился на яркое солнышко и невольно замедлил шаг — даже отсюда было видно, что возле двери кто-то сидит. Заказчик? Не похоже. Через несколько шагов он узнал гостя. Вернее, гостью. Этот балахон ни с чем нельзя было перепутать. И скривился — как не вовремя. Впрочем, бегать он не привык, да и не собирался. Когда до незваной посетительницы оставалось метра два, она подняла голову, и на ярком солнце сверкнули безумные глаза. Он помол-

чал, оценивая ее и прислушиваясь к своим ощущениям, потом вздохнул:

— Здравствуй. Давно ждешь?

Она поднялась:

— Время не имеет значения.

Аль открыл дверь:

— Зайдешь?

Безымянка кивнула.

— Есть хочешь?

— Нет.

И это было ритуалом. За предсказания просто кормили. Не всегда хорошо и не всегда досыта, но кормили. Но сама она никогда не просила. Безымянка огляделась, словно что-то здесь могло измениться с момента ее последнего посещения, и устроилась в самом темном углу. Адальберт покачал головой, вновь оценивая ее состояние, и поинтересовался:

— Сколько ночей без сна?

Нищенка вздрогнула, сжалась:

— Три. Он опять приходит.

— Что говорит?

— Что я убила его.

— И ты ему веришь?

Молчание.

— Айша! Ты ему веришь? — От собственного имени на повышенном тоне женщина вздрогнула, вскинулась...

Айша...

Ее звали Айша Кел-ле. Сестра охотника Рэана. Адальберт помнил все. За двоих. С тяжелым вздохом маг покопался среди своих склянок, что-то смешал, что-то побормотал и протянул кружку нищенке:

— Выпей. Здесь он тебя не найдет.

Дрогнувшая рука все-таки перехватила стакан. Безымянка принюхалась.

— Ты пей, пей. Сама же научила.

В глазах мелькнуло узнавание запаха, но этим все и ограничилось. Она решительно выпила и вернула стакан:

— Сладко.

Аль кивнул, наблюдая за действием лекарства. Айша тихо вздохнула:

— Спать, как же хочется спать, — помедлив, она легла на пол и, свернувшись клубочком, уснула.

Охотник подошел, прислушиваясь к дыханию, но оно было спокойным. Не сказать, чтобы Адальберт сочувствовал, со временем боль прошлого притупилась, но все-таки ему было жаль женщину. Жила теперь как сорняк... И неясное внутреннее чувство подсказывало, что не все так просто, но как распутать клубок ее боли, он не знал.

Вот уже с неделю на улице царило оживление. Всему виной являлись новые соседи, вселившиеся в старый дом и теперь активно приводящие его в порядок. Новыми хозяевами оказались молодые близнецы — брат с сестрой, жизнерадостные и общительные. Весьма быстро они превратили запущенное жилище в жилое. Айша и Рэан Кел-ле приехали издалека и решили остаться в понравившемся городе. Оба высокие, подтянутые, синеглазые и русоволосые, они иногда казались отражением друг друга, и только различия в фигурах и длине волос разбивали это наваждение. Хохотушка Айша была старше на пару минут, и Рэан в житейских вопросах спокойно позволял ей собой помыкать. Некоторые из молодых да горячих решили, что парень сам по себе тряпка тряпкой и можно безнаказанно подкатиться к девушке. Первые встречи она еще как-то отшучивалась, но потом вмешался младший Кел-ле. Из троих наглецов никто не ушел на своих ногах — Рэан Кел-ле оказался жесток к посмевающимся покуситься на его сестру. Аль стал свидетелем этой короткой драки. Он и наставник оказались рядом в момент разборок. И тогда еще семнадцатилетний Адальберт хорошо запомнил скорость движения парня. Наставник, наблюдавший за короткой дракой, только хмыкнул и подтвердил страже факт нападения на нового соседа. То, что их дома находились в соседних районах, не имело никакого значения. И именно тогда начинающий охотник узнал, кто такие эти близнецы. Рэан — маг, охотник и еще черт знает что, не афишировал и не вдавался в подробности своей жизни. Айша во всем ему помогала, готовя отвары, и читала как прошлое, так и будущее. Камешки, как и четки на запястье, всегда были с ней. Гладкие, потертые, рассыпаясь, они, казалось, нашептывали хозяйке все, что видели, а девушка уже переводила их шепот на человеческий язык. Это был целый ритуал: высыпать на ладонь, покатать между пальцев, россыпью кинуть на ближайшую ровную поверхность и читать. Читать, понимать и принимать решения.

Камешки не ошибались.

Никогда...

Безымянка открыла глаза и, приподнявшись, огляделась. Ничего не изменилось, где уснула, там и проснулась. Адальберта не было. Почему она ему верит, нищенка не знала, но чувствовала, что он не причинит ей вреда. Было в нем что-то родное. Болезненное, но родное. Память не хотела возвращаться и объяснять, что, откуда и как. Да и не хотела нищенка этого. Чувствовала, что второй раз она не выдержит потрясения. Или хотела чувствовать, что не выдержит? Четки скользнули сквозь пальцы, привычно отсчитывавшие бусины, — монотонность успокаивала.

Послышались шаги, Аль появился в комнате с каким-то мешком в руках.

— Не люблю уборку! — Отшвырнув ношу в угол, он подошел к ней. — Выспалась?

— Да.

Он присел рядом на корточки, заглянул в потухшие глаза:

— Погадай?

Нищенка, не отказываясь, кивнула. Уселась поудобнее и достала мешочек. Как она умудрялась так быстро убирать четки и доставать камешки — оставалось непонятным. Какое-то время Безымянка медлила, но потом решительно высыпала в ладонь. Неприятный шорох резанул мага по нервам. Каждый перекат в ладонях почему-то отдавался зубной болью. Миг, и вестники будущего рассыпались по полу. Охотник с интересом смотрел на странный узор и ждал. Первое слово Айша выдавила с трудом:

— Плохо.

Он напрягся:

— Что ты видишь?

— Беду. Только... — Он впервые слышал в голосе гадалки уверенность. — Не понимаю.

Она собрала камешки, вновь покатила их в руках и снова сбросила. Узор вышел точно таким же, как и в первый раз, разве что некоторые камни поменялись местами. Адальберт нахмурился. Когда-то Айша пыталась ему объяснить принцип действия, но повторяющийся узор она не упоминала.

Она немного расслабилась:

— Будь осторожен. Удача на твоей стороне.

— Что ты увидела?

— Огонь. Вовремя среагируешь, не умрешь, но...

Адальберт знал, что торопить ее бесполезно, но не удержался:

— Но что?

— Это принесет еще больше проблем. Тебе самому.

— Не понимаю. Раскинь еще раз.

Нищенка замерла в нерешительности. Третий раз кидать камни на одного и того же человека грозило ей очередной головной болью, но... он — друг. И камешки с шорохом рассыпались вновь. Тот же самый узор — ничего не изменилось.

— Ты мне о таком не рассказывала никогда, — он словно и забыл, что перед ним давно уже не Айша.

Безымянка покачала головой, молча собирая камешки в мешочек. Адальберт поднялся:

— Ну что же, спасибо. Буду знать, что не все у меня в порядке.

Она беспомощно посмотрела на него снизу вверх. В синих глазах стояли слезы.

— Больно, Аль. Очень больно.

Охотник скривился, услышав такое сокращение имени от нее:

— Понимаю, — и отошел к столу, решая, что смешать, чтобы облегчить боль.

— Не выпускай на волю слова.

Адальберт резко обернулся:

— Что?!

— Не говори лишнего, — нищенка сидела, схватившись за голову, и раскачивалась. — Огонь. Крики... почему? За что?! Что я сделала?! Почему он погиб?!

Аль чертыхнулся — очередного приступа ему только не хватало!

— Рэан! — Имя брата выплеснулось криком, перешедшим в тяжелый, глухой стон.

Маг лихорадочно принялся шарить по своим склянкам, открывая и смешивая их содержимое, — у него осталось очень мало времени до пика приступа, а выхаживать Айшу не было никакого желания, да и времени тоже.

Лекарство в бьющуюся в истерике Безымянку он вливал практически силой и так же силой заставил проглотить. Какое-то время нищенка не двигалась, но потом отпустило, она сжалась в комок и заплакала — навзрыд, вздрагивая всем телом. Маг сидел рядом и отходил от своего геройского подвига — все-таки даже сейчас Айша была очень сильной. Голод и нищенское существование не слишком ослабили ее. Иногда Алю

казалось, что ее жизнь заключена в камнях, но проверять догадку очень не хотелось.

Успокоилась она очень нескоро, и Крей тут же спросил:

— Ну?

— Голова болит.

— Это пройдет... — Он поднялся. — Если хочешь, оставайся на ночь. Здесь тебя никто не прогонит, только склянки мои не трогай.

— Бесовское отродье, — Безымянка беззлобно ругнулась, косясь на все баночки.

Охотник хмыкнул:

— Между прочим, ты и сама в этом разбираешься, — он повернулся, чтобы выйти из комнаты, и замер от ее слов:

— Я знаю.

— Что?! — очень медленно Аль повернулся. — Что ты сказала?

— Я знаю, — нищенка подняла голову, в глазах стояла боль. — Иди, спи, не буду трогать.

Маг выдохнул, но все же ушел в спальню. Денек выдался на редкость суматошно-идиотский. Мало ему было проблем и переговоров с заказчиками, так еще и эти «сюрпризы» на ночь глядя.

После ухода старого друга Безымянка какое-то время сидела и смотрела в одну точку, но потом решительно поднялась и, аккуратно пристроив мешочек с камешками на край стола, покинула этот гостеприимный дом. Ей было плохо, но оставаться здесь не хотелось...

Рухнув на постель, Адальберт перевернулся на спину и уставился в потолок. Мысли крутились вокруг предсказания, пытаясь уловить хоть что-то, способное указать на разгадку, но никак не удавалось. Ни одной ниточки, ни одной зацепки.

— Будь что будет, — наконец он решил отпустить все на волю судьбы, и сон моментально укрыл его своим покрывалом.

Камешки с шорохом рассыпались по столу.

— Читай.

Адальберт склонился над узором, рассматривая:

— Вижу дорогу, неприятности... э-э-э? Ограбление?

— Нет, — Айша легонько хлопнула его по плечу. — Внимательнее. Там же все четче не придумашь.

Юноша пристально уставился на камешки, уже проклиная свою затею. Девушка не удержалась, весело рассмеялась, на-

блюдая, как Аль вдумчиво изучает выпавший узор, пытаясь соотнести с тем, что он уже знал, и попытался укоротить:

— Тебе хорошо! Ты же с рождения их читаешь!

— И ты сможешь, если захочешь, — подруга не могла скрыть улыбку. — Вот, смотри, дорогу ты увидел правильно, но... вот это не столько неприятность, сколько указание на ее присутствие по вине самого человека.

— Не понимаю. Сломается карета?

— Угу, в болоте, — Айша усмехнулась. — Рассеянным не надо быть, и забывать дома нужные бумаги не рекомендуется.

Адальберт озадаченно почесал затылок. Не давалось ему это «колдунство», хотя Айша уверяла, что никакой магии здесь нет. Занятие прервал хлопок входной двери.

— Развлекаетесь? — Рэан прошел в комнату, скидывая мокрый плащ на предназначенный для этого стул.

— Она — да, а я — мучаюсь! — не сдержался юноша. Разница в несколько лет не мешала их общению абсолютно.

— Сам просил, — охотник пожал плечами и подошел к столу. Едва коснувшись губами щеки сестры, он внимательно изучил расклад. — И что непонятно? Вроде ж все четко.

— Ужинать будешь? — Айша ласково смотрела на брата снизу вверх.

— Конечно! Не голодным же сидеть!

— Сейчас разогрею... — девушка поднялась.

Аль обрадованно потер ладони — ужин Рэана означал перерыв в мучениях, которые Айша именовала учебой.

Огонь вспыхнул, жадно поглощая сон и сменяя картинку. Аль застонал, но проснуться не смог.

Синие глаза, лучистый взгляд, милое лицо и доброта... Айша редко бывала печальной или грустной. Во всяком случае, начинающий охотник очень редко видел ее в подобном состоянии за все три года знакомства. Что тогда произошло, точно установить не удалось. Рэан не справился и демон сбежал? Но пентаграмма и руны защиты были нетронутыми. Маг помнил, как кинулся в огонь на крик Айши. Он помнил, как успел вытащить женщину из огня, как она билась в истерике и рвалась назад, в огонь. Рэан был для нее всем, именно он стал для нее спасением после смерти родителей. В первые же дни после жуткой трагедии стало ясно, что разум оставил предсказательницу. Как он

ни караулил, но Айша сбежала. Найти ее с наставником они не смогли. А спустя пять лет, когда Адальберт уже вовсю практиковал в одиночку, вместо Айши вернулась эта безумная нищенка. Безымянка...

И вновь огонь меняет картинку. Те минуты в огне Адальберт не забудет никогда, но сейчас картинка изменилась.

В мгновение ока все исчезло в огне — дом был охвачен весь, от крыши до подвала. Крик ударил по ушам, заставляя вздрогнуть всем телом, но было поздно... Аль видел, как Айша пытается вытащить брата из какого-то странного пятна, но сил не хватает. Дышать становилось все труднее. Маг не мог пошевелиться, хотя всем сердцем рвался туда — успеть! Спасти!

— Рэан! Не смей! — Айша задыхалась, но упорно тянула брата на себя. — Не смей меня бросать! Не смей! Слышишь! Не смей!

— Отпусти! Ты не выдержишь! — И хоть охотник цеплялся за этот мир, он уже знал, что обречен. Ему не спастись.

— Нет! Брат! Нет! Ты же сам учил!

— Отпусти, сестричка. Я не могу... больше.

— Нет!

И Рэан принял решение:

— Прости, Айша... — и он ударил ее по рукам.

От неожиданности она ослабила хватку, и пятно моментально затянуло Рэана.

— Рэан! — Девушка кинулась за ним и промахнулась — пятно уже исчезло.

Адальберт вскинулся и резко сел на кровати, оглядываясь и пытаясь понять, где он. И с облегчением выдохнул — это просто сон. Смятая простыня промокла от пота. С чего ему приснился этот кошмар? Аль схватился за голову, усмиряя боль. С того ли, что опять у Безымянки был приступ? С того ли, что она казалась разумней, чем неделю назад? С чего? Сердце не желало успокаиваться, оно билось с такой силой, словно стремилось проломить грудную клетку и вырваться на свободу. Охотник все же встал, доплелся до умывальника и от души плеснул в лицо ледяной водой. Было в окружающем что-то не так. Но что? Аль оглядел комнату так, как будто по углам засели убийцы, но ответом ему была тишина.

— Безумие какое-то! — Маг отфыркался от воды и вздохнул. Сердце потихоньку успокаивалось, но тревога в душе не утиха-

ла. Распахнувшаяся в спальню дверь заставила Адальберта вздрогнуть.

— Айша? — Горло сдавило. Однако на пороге никого не было. Только ветер ударил в окно.

Он вылетел из комнаты:

— Айша!

В доме больше никого не было. Только на углу стола одиноко темнел мешочек с камешками.

— Тшехт! — Крей кинулся одеваться, бормоча: — Только б не убила, только б не убила.

Рекорд, поставленный при одевании, его не волновал совершенно. Наспех прихватив какое-то оружие — все же ночью небезопасно, он схватил камешки и рванулся на улицу, подгоняемый практически кричащим чутьем — он должен ее найти!

Должен!

Пока еще не поздно!

Куда его несли ноги, охотник не думал. Камни, казалось, жгли даже сквозь ткань.

Они его вели.

Они его подгоняли.

Шептали: «Быстрее! Быстрее!» — но маг этот шепот воспринимал криком. Никогда ему не слышались эти голоса так ясно. Сошел он с ума или нет — станет ясно позже, сейчас главное — успеть!

Успеть!

Несколько раз он проскакивал мимо каких-то криминальных разборок, но ему было наплевать, кого там убивают или грабят. Время не засекалось, он бежал вечность... И все же пути пришел конец. Ноги сами остановились на пороге разрушенного дома. Голоса камней стихли, как стих и назойливый звон в ушах. Осталась только тревога. Адальберт толкнул остатки двери и решительно переступил порог. Ветер бросил ему в лицо пыль и труху, но на большее не хватило. Кто-то боялся его, Адальбертова, присутствия. В самом дальнем углу зиял открытый люк в подвал. Маг подошел и присел — вниз уходила крутая лестница, залитая темнотой. Как спускаться?

— Ну посмотрим! — И Аль уверенно ступил на первую ступень.

Ничего не случилось. Камни ткнулись в бок, мол, не бойся, иди, и снова затихли. Кинжал лег в руку, и охотнику стало спокойнее.

Лестницу он преодолел, и за первым же поворотом забрезжил тусклый свет.

Охотник осторожно открыл почти целую дверь и... увидел Безымянку. Она сидела возле костра, обхватив колени, и медленно раскачивалась, словно находясь в трансе.

— Айша.

Нищенка вздрогнула, вскинулась:

— Не называй! Больно!

— Ты же ничего не помнишь.

Безымянка уперто склонила голову:

— Больно!

— Ты забыла, — Аль подошел и протянул мешочек.

— Оставила. Тебе.

— Не глупи. Я их не слышу!

— Слышишь. Ты же нашел меня.

— Айша!

— Не кричи! — нищенка вскочила на ноги. — Не кричи!

Аль глубоко вздохнул, успокаиваясь:

— Прости, — и уперто повторил: — Камешки заberi. Я их не слышу.

— Слышишь. Мне они не нужны.

— Почему?

— Больно.

— Айша, мне нужна твоя помощь, — маг не знал, как уговорить взять камни, но чувствовал, что это важно.

— Что может сделать нищенка? — никогда еще Безымянка так не разговаривала.

— Все. И даже больше.

Она смолчала, опустив голову.

— Айша, пожалуйста. Возьми камни и помоги мне.

— Больно.

Он вздохнул:

— Но мне очень нужна твоя помощь!

— Зачем?

— Одному тяжело.

— Ты не будешь один. У тебя есть камешки. Они помогут.

— Айша, мне нужна твоя помощь. И твое знание.

Тишина...

— Айша. — Он повторял ее имя на все лады, понимая, что этим причиняет боль, но только так ее можно было удержать.

— Я не Айша.

— Айша! Предсказательница. Ты Айша Кел-ле!

— Нет.

— Да.

— Не надо, Аль. Мне больно!

— Айша! — Адальберт не выдержал, вскинул руку, чтобы сдернуть капюшон с ее головы, но... рука мага оказалась перехвачена. Он изумленно смотрел на неухоженную женскую руку, сейчас крепко державшую его за запястье. Она успела... как, почему? Ведь раньше... мысли разбил шорох четок, скользнувших от узкого запястья к локтю следом за широким рукавом балахона.

— Айша?

Безымянка подняла голову, ловя взгляд охотника, и все-таки отпустила его руку. Синие глаза смотрели на редкость ясно.

— Камешки твои. Возьми, — повторил он.

Секунда промедления, но... она взяла. Поддержала мешочек в руках, слушая старых друзей, и спрятала в рукав.

— Спасибо.

Адальберта отпустило. Ему показалось, что камень с души упал. Даже грохот послышался.

— Айша...

— Молчи. — Нищенка тряхнула головой, совсем как когда-то, и тяжело вздохнула. — Очень больно. Тебе не нужна моя помощь.

— Нужна, Айша. Очень нужна.

Безымянка... хотя теперь уже не Безымянка, просто предсказательница вновь посмотрела в его глаза, и Адальберт неожиданно подумал, что если он и ошибается и это возвращение к рассудку всего лишь иллюзия, то скоро он об этом узнает.

Все узнают...

2. ОХОТНИКИ И ИХ ДИЧЬ

Паук повис над столом на длинной паутинке. Тонкие лапки осторожно перебирали ниточку, крошечный путешественник неспешно покачивался на сквозняке, веющем из всех щелей. Впрочем, при царящей жаре эти дуновения были спасением.

— А я говорю, не больше полтинника! — рявкнул коротышка-гном, не отрывая злого взгляда от своего собеседника. Да еще и кулаком по столу пристукнул, чудом не пришибив паука.

— Поимей совесть, Мур! — не остался в долгу Адальберт, флегматично потягивая дешевое молодое вино. — Ты посмотри, какие рога! Да за такие рожки и полторы сотни не жалко.

Впрочем, доставать из-под стола сумку, дабы собеседник мог полюбоваться на эти самые рога, продавец не стал: мало ли кто еще может заинтересоваться товаром.

Разговор велся в небольшом трактирчике, носившем гордое наименование «Дракон, рыцарь и дева». По семейному преданию, которое так любил рассказывать всем встречным-попечным хозяин «Дракона», название появилось, когда его прапрапрабабушку похитили, а потом спасли. Тут восторженный слушатель обычно вопрошал: «И как же звали благородного рыцаря, спасшего вашу родственницу?» В ответ трактирщик Бри Леон Маас (обычно его запросто называли дядюшка Бри) недовольно кривился и спрашивал: «А кто вам сказал, что ее похитил именно дракон?»

В любом случае Адальберт Крей на эту удочку попался еще лет пять назад и повторять сей подвиг не спешил. Заняв столик в дальнем углу общего зала еще с утра, он вел неспешный разговор с покупателем, не обращая никакого внимания на молодую разносчицу, уже успевшую трижды поменять блюда на их столе, — все равно расплачиваться будет покупатель, огненно-рыжий гном по имени Мур.

— А может, тебе еще и бороду мою отрезать? — фыркнул тот, но уже на полтона тише.

Адальберт, оставивший старый полинялый балахон мага на вешалке у входа, мгновенно вцепился в бороду гному, оценивающе взвесил ее на ладони:

— Три медных, больше не дам. И то на такой товар еще покупателя найти надо.

На несколько мгновений в комнатухе повисла потрясенная тишина, а затем покупатель дернулся в сторону, разъяренно взвывая:

— Да издеваешься ты, что ли?! Какой гном тебе бороду продаст?

— Четыре медных. Учти, ты даже на черном рынке больше не получишь! — предостерегающе потряс пальцем его собеседник.

— Да ты...

— Пять, и это мое последнее слово!

— Пять с половиной!

- Пять с четвертью.
- Не больше пряди!
- По рукам!

Гном так не понял, когда в руках Адальберта блеснул тяжелый, чуть изогнутый нож. Короткий взмах, и в рыжей бороде стало на одну тоненькую косичку меньше. Мур терпеливо дождался, пока его собеседник осторожно подцепит волоски чистым лоскутом ткани, сложит их в отдельный кошель, отсчитает обговоренную сумму, и лишь потом позволил себе горестно взвыть:

— Говорила мне мама: «Не общайся с человеческими колдунами! Обчистят, как старую штольню, и ты еще должен останешься!»

— Умная была женщина, пусть алмазы будут ее гробницей, — по всем канонам гномьего этикета склонил голову в печальном поклоне молодой маг.

— Ты мне зубы не заговаривай! — злобно скривился его собеседник, механически поглаживая рукоять тяжелой секиры, стоявшей неподалеку у стены. — Говори, сколько хочешь?

Адальберт словно и не заметил этого:

— А я разве не назвал сумму?

Сторговались они на семидесяти пяти. Причем гном не прекращал ворчать, что он заплатил слишком уж много.

Получив товар, Мур из рода Мряу уже подхватил торбу, готовясь закинуть ее на плечо, но был остановлен грозным:

— Эй, ты куда?!

— В смысле???

— Сумку верни! Ты за нее не платил.

Несколько секунд гном осмысливал услышанное...

— Ты издеваешься?! — Скинутая на пол торба развязалась, и на гладко отшлифованные доски пола выкатилась огромная рогатая голова. Явно не козлиная. — Как я вот это по городу пронесу?

А пронести «вот это» по городу было действительно задачей трудной. Владелец этой самой головы при жизни чем-то напоминал человека. Если бы Крея спросили, он мог бы рассказать, что тогда же это было существо двуногое, прямоходящее, с багровой кожей, тремя глазами, шестирукое, огнедышащее, ругающееся на семи мертвых языках... а еще страстно не желающее с этой самой жизнью расставаться: на плече молодого мага

до сих по не зажил шрам. И это несмотря на способности Адальберта!

— А о чем ты думал, покупая голову демона? — флегматично пожал плечами продавец.

Гном хватанул ртом воздух... Но так и не нашел подходящего ответа. Пришлось раскошелиться еще на пять монет.

Впрочем, возмущался он больше для порядка: сам Мур считывал в итоге получить за приобретенный товар намного больше.

В замке Хэнедоара всегда царила ночь. Солнечные лучи раз за разом пытались пробить защиту плотных ставен, но всякий раз их ждала неудача. Впрочем, даже если бы они пробрались сквозь невесть откуда взявшиеся щели, ничем хорошим это не кончилось бы: слюдяные окна плохо пропускали свет. А если к этому еще добавить плотные бархатные шторы... Можно твердо сказать: граф де Хэнедоара терпеть не мог солнца.

Впрочем, Мур уже давно привык к капризам клиентов. Главное, чтоб платили побольше, а все остальное можно пережить.

— Вы уверены, что я заказывал вам именно это? — мелодичный голос графа доносился, казалось, со всех сторон.

Представитель рода Мряу зябко передернул плечами и постарался напомнить себе, что на него магия Хэнедоара действовать не должна. Получалось плохо. Гном выдавил кривую улыбку и, стараясь смотреть лишь в глаза заказчику, сидевшему в удобном кресле напротив, осторожно поинтересовался:

— А разве нет?

Холеный мужчина в темном костюме только плечами пожал:

— Ну давайте посмотрим... — Короткий взмах, и сорвавшаяся с потолка летучая мышь обронила ему на ладонь перетянутый алой нитью свиток. Хэнедоара легко сломал сургучную печать, развернул пергамент: — Итак... «Предмет договора: голова демона краснокожего...»

— Подходит! — радостно выпалил Мур и лишь сейчас заметил, что он обеими руками сжимал подлокотники своего кресла. Гном осторожно разжал пальцы.

Флегматичный вздох:

— Вы ведь позволите мне дочитать до конца? «...красноко-

жего, женского пола...» Вы уверены, что это существо при жизни было женщиной?

Мур из рода Мряу судорожно сглотнул комок, застрявший в горле, и попытался припомнить, что же ему говорил об этом демоне Адальберт, но так и не вспомнил. Все, что он смог сделать, это тихо прошептать:

— А разве нет?

Граф склонился, провел кончиками пальцев по лежащей у его ног голове и вздохнул:

— Сомневаюсь, тин Мряу. Весьма сомневаюсь. Я не слышал, чтобы представительницы прекрасного пола у демонов носили бороду и усы.

Тут Мур попросту не нашел что ответить.

Граф помолчал, дождался, пока пауза станет угрожающей, и улыбнулся:

— Вы ведь помните наш договор? Вы приносите голову, и после этого я вам плачу.

— Помню! — судорожно закивал гном.

Чудесно. Значит, напоминать, что на выполнение обязательства у вас еще три дня, не надо?

— Н-не надо! — незадачливый продавец и сам не мог понять, почему при одном взгляде на графа на него накатывает такой панический ужас.

Казалось бы, мужчина сидит спокойно, всеми карами небесными не угрожает, улыбается, а чувство страха все растет и растет... Да и в облике покупателя не было ничего пугающего: обычный худощавый мужчина лет тридцати на вид. Черные, чуть вьющиеся волосы. Высокий лоб. Породистый нос. Чуть тонковатые губы, но и это не делало графа каким-то страхолюдиной, совсем нет! Женщины, наверно, на него просто вешались! А вот Мур его боялся.

— Вы меня просто радуете! На всякий случай: вы ведь знаете, что, если голова не будет доставлена в срок, наш договор прекращает действовать?

— Конечно! — голос гнома сорвался на писк.

Новая улыбка.

— Всегда приятно поговорить со столь разумным существом.

Покупатель старательно не разжимал губ, но Муру и этого хватило: гном поспешно откланялся и поспешил покинуть замок. А то, не приведи боги, Хэнедоара голоден.

Впрочем, мысли графа были далеко. Всего три дня и... И что? Успеет ли гном вовремя? Ведь от такого, казалось бы, простенького заказа зависит очень и очень многое. Самое смешное, больше не к кому обратиться: Мур единственный из торговцев, кто рискует посещать замок Хэнедоара, остальным хватает «доброй славы» его владельца.

Мужчина вздохнул, медленно встал с кресла. Книга, которую он уже давно забрал из замковой библиотеки, обнаружилась в столовой. Медленно пролистнуть страницы, провести тонким пальцем по выцветшим строчкам...

Казалось бы, такой простой ингредиент — мозг демона, а ведь нигде не достанешь... А без него магия графа не действовала не только на гномов, но и на эльфов. Можно подумать, это такая мелочь, но если не получить нужного компонента...

Неужели через три дня все-таки придется отправиться в храм Влюбленных?

Впрочем, граф был не единственным, кто переживал по поводу грядущих событий: дама Сильвия вообще места себе не находила. Боги, какой позор, какой позор! Ее дочь, девятнадцатилетняя девица из благородного рода Альруин понесла! И от кого!!!

Демон с тем, что кавалер вышеупомянутой девицы посещал свою даму сердца только после заката. Стеснительность только украшает мужчину.

Первые колокольчики тревоги зазвонили, когда выяснилось, что вышеупомянутая девица Алэра не может даже приблизительно описать своего ночного посетителя.

Первым делом подозрения пали на мальчишку из рода Даххар, проживающего ниже по улице. Но тин Даххар, почтенный седобородый инкуб, наотрез отказался принимать на себя вину неизвестного. В самом деле, какого демона? Если какой заезжий гастролер и соблазнил юную эльфийку, то при чем здесь сразу инкубы! Тем более что оба сына тина Даххара уже год как женаты, и все их пятьдесят четыре жены просто нарадоваться не могут на мужей...

Какой позор, как-кой позор! Родить ребенка от вампира! И ладно бы это был какой-нибудь упыряка немертвый. Сыновья Сильвии — братья девицы Алэры быстренько бы объяснили кровососу, где раки зимуют... Так нет — ухажером оказался ни много ни мало как высший! Причем высший, прошедший

Ночную войну, а значит, возраст кавалера давно перевалил за сотню лет.

Являлся вышеупомянутый к девице Алэре на закате, песенки ей любовные пел, а та, дура, и поверила, зайти в дом разрешила! Хорошо хоть граф голоден не был, а то пришлось бы выкапывать новопреставившуюся, дабы помочь ей разрешиться от бремени — удовольствие ниже среднего...

Какой позор! Боги, какой позор!

Хотя... Иметь в родственниках истинного вампира не так уж плохо...

Особенно если убедить его в необходимости жениться...

Впрочем, за этим дело тоже не стало: с будущим мужем девицы Алэры уже пообщались сыновья дамы Сильвии, а мальчиками они всегда были шустрými, так что тому ничего не оставалось, как согласиться, а раз так... Ровно через три дня в храме Влюбленных девица Алэра подтвердит, что отцом ее нынешнего ребенка является именно тот мужчина, что стоит перед нею...

Будем надеяться, что все закончится благополучно.

Мур никогда не был охотником на демонов. Да каким там охотником, скажем честно: торговец — единственное, в чем разбирался этот гном.

А что поделаешь, если род Мряу не был знаменит ни среди камнетесов, ни среди кузнецов, ни даже среди чеканщиков? Приходилось выкручиваться, как умеешь.

Конечно, незадачливый торговец, как и каждый гном, был на несколько порядков сильнее обычного человека, но... Ведь в охоте на демонов не это главное!

Откуда в этот мир приходили чудовищные разумные твари — до сих пор оставалось загадкой. Пожалуй, ни один маг не мог бы сказать, что знает ответ на этот вопрос. Версии выдвигались разные: вплоть до того, что эти монстры являются посланниками Влюбленных на этой грешной земле, но так ли это, не смог сказать еще никто.

Демоны приносили много горестей в Ир: разрушали дома, уничтожали цветущие сады, губили жителей... Предсказать, когда и где появится новое чудовище, было невозможно. А потом кто-то, не найдя в нужный момент подходящего ингредиента, додумался воспользоваться вместо него какой-то частью тела убитого демона.

Результат превзошел все ожидания! Волосы бросали в любовные зелья, ногти шли на зелья невидимости, уши — на зелья стойкости... Перечислять можно было до бесконечности. А уж когда, лет так пятьдесят назад, тин Роам открыл способ, с помощью которого стало возможным перетягивать в определенное место точки выходов порталов, через которые демоны попадали в Ир, вот тогда появилась профессия охотника.

Некоторая проблема возникла, когда выяснилось, что сколько бы умелых убийц ни ждало появления демона, уязвимым пришелец будет лишь для одного, перетянувшего. Впрочем, это лишь заставило магов, умеющих открывать порталы, больше тренироваться.

Одним из таких колдунов-охотников и был Адальберт Крей. Назначал он, правда, за свой товар дикие цены, но, в отличие от большинства, гарантировал, что добыт будет именно тот демон, которого ты заказал.

И кто виноват, что Мур не сформулировал свои требования достаточно четко?

Именно это и сообщил маг возмущенному гному.

— Да ты... да ты... — толком разъяснить Крею, что именно он и виновен во всех бедах гномов за прошедшие полтысячи лет, Мур не смог. Прежде всего, потому, что охотник, развалившийся в глубоком кресле, сладко потянулся и зевнул:

— Возвращать плату я не буду, и не надейся. Если это не то, что тебе нужно, — твои проблемы. А если тебе необходимо что-то еще, дополнительно — зайди через пару недель, раньше я не возьмусь: во-первых, устал как волк, а во-вторых, мне сейчас деньги не нужны.

— Но...

— Мур, ну мы ж с тобой давно знаем друг друга! — уныло протянул Адальберт. — Если я сказал, что ближайшие две недели отдыхаю, то раньше чем через...

— Три золотых! — отчаянно выдохнул гном, и маг, вспомнивший, что за предыдущий заказ ему заплатили медью, подавился зевком:

— ...двенадцать часов за дело братья не буду!

К новому заказу парень подошел весьма ответственно: завалился спать. Впрочем, именно сна и не хватало магу последние несколько дней — пока проведешь все необходимые обряды, с

ума сойдешь. Хорошо хоть пентаграмма с прошлого вызова осталась, не придется тратить несколько часов на ее вычерчивание.

В любом случае утром Адальберту оставалось лишь подправить несколько линий. Юноша окинул скептическим взглядом сохранившийся рисунок и потянулся за баночкой с белой краской.

Одна линия, вторая...

Капля белил, сорвавшись с кисти, расплылась неопрятным пятном, замазав тщательно вырисованную руну. Тихо ругнувшись, юноша отодвинул в сторону банку и, промокнув пятно специально подготовленным кусочком ткани, размазал оставшиеся следы, придавая им очертания «Исы» — руны льда: удерживать огненного демона сможет лишь лед.

А по углам рисуем «ферт». Для большей крепости. Прожив на свете почти четверть века и половину этого срока посвятив охоте на демонов (сперва в одиночку, потом под руководством наставника — мэтра Тандри Борна), юноша уже прекрасно осознавал необходимость защитной магии.

Еще полчаса мучений, и пентакль был готов. Специалист по демонам в последний раз критически оглядел свое творение, пробежал взглядом любезно предоставленный Муром список требований к вызываемому, закатал рукава ниспадающей хламиды и приступил к делу...

Багровое пламя, полыхнувшее в центре пентаграммы, заставило его зажмуриться, прикрыв лицо руками, а когда он наконец отвел ладони от глаз, то обнаружил, что в центре пентакля стоит, нервно дергая длинным хвостом с острым наконечником, молодая женщина. Сквозь вьющиеся смоляные волосы, спадающие до плеч, пробиваются небольшие рожки, алая кожа способна поспорить оттенками с пожарным заревом, выкрашенные в темные цвета ногти — когти отливают серебром, а в черных как ночь глазах, казалось, притаилась сама Тьма. А уж во что была одета прибывшая демоница... Подобных одеяний Адальберт не видел даже на изредка приезжавших в Ир синекожих жительницах южных островов! Какое-то жалкое подобие набедренной повязки да тряпица, едва прикрывающая грудь...

Сглотнув комок, внезапно застрявший в горле, охотник медленно обошел по периметру пентаграмму, старательно избегая наступать на искусно выписанные линии. Демоница, чуть прищурившись, не сводила с него напряженного взгляда.

Круг был замкнут, и Адальберт остановился, вытирая рукавом струящийся по лбу пот.

— Выпус-с-сти меня! — прошипела женщина, не отрывая напряженного взгляда от мага. Между полных губ сверкнул длинный раздвоенный язык.

— В другой раз, красавица! — фыркнул парень, расстегивая ритуальное одеяние. Круг замкнут, а значит, необходимость в балахоне отпала. Ненужная хламида сползла на пол, а Адальберт остался в свободной рубахе да удобных брюках. Обувь сейчас будет только мешать.

— Выпус-с-сти меня! — вновь повторила она, и маг невольно вздрогнул, услышав в ее голосе ничем не прикрытую ненависть. А если действительно вырвется?!

Впрочем, он тут же отогнал эту мысль как недостойную охотника.

— Не сейчас! — хмыкнул он, справившись с волнением. Где тут жезл и кинжал? Крей оглянулся по сторонам.

— Выпус-сти меня!!! — Ее крик, казалось, мог поднять мертвеца.

— Не сейча... — рассеянно начал Адальберт и замер, когда до него дошло, что он только что повторил уже использованную отговорку, а значит...

Демоница, злорадно ухмыльнувшись, рванулась вперед.

Защитную стену она разбила с одного удара.

Черные когти блеснули в опасной близости от груди мага. Охотник упал на бок и, про себя прокляв чересчур болтливый язык (чего стоило, раз не можешь заpastись достаточным набором отговорок, попросту промолчать?!), перекатился по полу, когда демоница, размахнувшись, вонзила руку в пол в опасной близости от ускользящего парня. Когти разрезали камень, как масло, оставив в полу ряд дыр.

Незадачливый колдун одним прыжком взвился на ноги, и в ладони блеснул хищный клюв черного ножа. Ритуальный кинжал, окропленный кровью сотни демонов, был готов к бою.

Вот только и демоница не собиралась отступать. Новый взмах, и на этот раз когти все-таки распороли белоснежный шелк рубахи.

Жезл, жезл, где этот демонский жезл?! Юноша, отпрыгнувший на порядочное расстояние от демонессы, окинул лихорадочным взглядом комнату.

— Ну куда ш-ш-ш-же ты, милый?! — хрипло рассмеялась демоница, медленно проводя когтями по стене.

Маг тихо застонал, когда базальт, привезенный из Мортании, сыпанул искрами. На стенах остались дорожки — следы... Боги, сколько придется тратить на ремонт!

Кончик жезла выглядывал из-под небрежно брошенного на пол балахона. Так близко... И так далеко... Ведь для того чтобы добраться до него, необходимо было обогнуть демоницу...

Женщина проследила за его взглядом и, тихо хохотнув, сделала шаг к магу. Еще один... С пухлых губ не сходила издевательская усмешка...

Терять было нечего...

Адальберт дернулся в сторону, уходя с линии удара, и начал превращение. Зверь справится вернее, чем человек. Особенно если совместить и того и другого в одном теле.

Кости черепа практически потекли, замещаясь, вытягиваясь. По груди начала пробиваться короткая волчья шерсть... Достаточно!

— А таким ты мне нравиш-ш-шься больш-ш-ше, — хихикнула демоница, делая новый шаг.

Полуволк-получеловек рванулся мимо демоницы. Острые когти царапнули по плечу, располосовав ткань рубашки и оставив кровавые следы на руке. Пальцы сомкнулись на жезле... Он резко развернулся, и из перекрестья кинжала и жезла в демоницу ударил столб алого пламени. Женщину отшвырнуло к дальней стене...

Маг выдохнул через плотно сжатые зубы и, не выпуская из рук оружия, подошел к демонице, склонился над скорчившимся телом... Один взмах клинком, и это дело будет кончено. «Голову отдадим Муру. Кожу демона давно хотел приобрести Марк из Даолрна. Сердце... Кажется, на сердце поступил заказ из Дагиша. Надо будет проверить по книгам».

— А ты с-с-сильный, — тихий смешок заставил мага отшатнуться, но на шею уже легла когтистая рука...

Встретиться с молодым магом Мур договорился в полдень, и едва часы на ратуше пробили тринадцать раз, гном уже стоял на пороге дома охотника. Входные двери Адальберт никогда не замыкал, а потому представитель рода лучших торговцев Ира безбоязненно перешагнул порог:

— Эй, Крей, где ты?

Каменное жилище на окраине города хранило молчание, и гному ничего не оставалось, кроме как отправиться в путешествие по комнатам: в конце концов, не мог же маг куда-то сбежать? Тем более, если бы, не приведи Влюбленные, охотник не справился с заказом, это было бы уже видно по разрушениям. Демоны не любят, когда их пытаются поймать.

Торговец нашел Адалберта в небольшой, заставленной многочисленными колбами и ретортами комнатке на первом этаже. Похоже, маг совершенно не рассчитывал, что кто-то застанет его в лаборатории: сейчас он, обнаженный до пояса, осторожно мазал какой-то зеленой, отвратительно пахнущей слизью царапины на груди и спине, с трудом заводя руки за спину.

— Аль?

Человек, не ожидавший, что гость придет вовремя, выронил склянку с мазью и шарахнулся в сторону, задев локтем булькающую над небольшой спиртовкой колбу. Дорогой стеклянный сосуд покачнулся... Адалберт успел поймать его над самым полом.

— Что надо? — мрачно поинтересовался охотник, отставляя в сторону колбу и опускаясь на колени: слизи лесного демона сейчас даже при большом желании не сыщешь, а лучшего лекарства пока никто не придумал.

Такого неласкового приема Мур не ожидал.

— Ну... Я это самое... За заказом...

Маг, скривившись, коснулся царапин на груди и мрачно сообщил:

— Не будет выполненного заказа.

— Почему?! — горестно взвыл гном. Обещанная графом Хэнедоара плата, столь желанная и столь близкая, растворялась, подобно призраку ранним утром.

Новая злая гримаса:

— Сбежал демон. Разбил пентаграмму, меня чуть не угробил и сбежал, Влюбленные знают куда.

— Но как же... Ты же лучший...

— Скажи это тому демону! — огрызнулся Адалберт, подхватывая небрежно брошенную на край стола рубашку. Плотный шелк оказался разодранным в клочья, даже зашить не удастся: портняжный цех такую рванину не примет.

Если бы кто-нибудь еще утром сказал Муру, что он будет плакать навзрыд, прощаясь с обещанными графом пятнадцатью золотыми, он бы не поверил.

Впрочем, единственным свидетелем этой маленькой слабости стал лишь Адальберт, а тому смысла нет его выдавать.

Казалось бы, такая мелочь — эликсир из мозга демона, а вот... Граф Хэнедоара проклинал тот день, когда решился доверить столь важный заказ всего одному торговцу. Впрочем, особого выбора у него и не существовало: бегать по всему Иру, разыскивая десяток продавцов, не было никакой возможности, а существ, желающих посетить замок вампира, не так уж много. Пожалуй, на последнее способны лишь безрассудные эльфы, ведомые волей главы рода и спасающие честь женщины.

И ведь знают, мерзавцы, что на них магия ночи не действует. Знают и пользуются этим! Нет, понятно, согласие на брак уже дано (ага, попробуй отказать десятку разъяренных эльфов, вооруженных серебряными мечами!), но ведь можно было все изменить!

Пара глотков эликсира, и вот оно, счастье! Эльфы на несколько часов подчинены воле графа, невеста в храме Влюбленных отказывается от брака, жрец на веки вечные скрепляет отказ огненной печатью, дама Сильвия, чтоб ей в следующей жизни мужчиной родиться, вытирает слезки кружевным платочком и радостно прощается с несостоявшимся родственником... Но увы, теперь это все в мечтах. Похоже, остаться холостяком не получилось бы, будь ты даже трижды верховным...

Граф залпом осушил бокал вина и смял золотой кубок в ладони, как бумагу. До счастливого мига венчания оставался еще целый день.

Примерно через год в лаборатории мэтра Адальберта полыхнуло багровое пламя. Маг, в первый момент решивший, что это что-то взорвалось в колбе, тихо ругнулся, оборачиваясь... Каково же было его удивление, когда в отблесках медленно гаснущего огня он разглядел обычную люльку с младенцем. Краснокожим, хвостатым, но все-таки — младенцем...

Сына он назвал Мертом. В честь матери.

3. ГАДАНИЕ

В далекие-далекие времена, когда небо было голубее, а солнце ярче и ласковее, будущий грозный охотник на демонов Адальберт Крей только начал постигать премудрости магического

искусства. Грызть гранит науки он предпочитал в одиночестве, запершись у себя дома и обложившись со всех сторон древними пыльными талмудами с руководствами по построению пентаграмм и формулированию защитных заклинаний.

Понятное дело, у безусого юнца, только начинающего свой путь на славном поприще наемного мага, не было средств для покупки столь дорогих книг. Клиенты пока не толпились у него на пороге, да что там, даже на еду порой не хватало медяков. Адальберт неделями сидел на хлебе и воде, глотая вязкую голодную слюну каждый раз, когда шаловливый ветерок заносил к нему в окно аппетитные запахи жарящегося мяса из расположенного по соседству постоянного двора. Однако удачный случай не так давно свел его с местным архивариусом, которому молодой маг любезно помог вывести в библиотеке крыс — любительниц поживиться кожаными переплетами и пожелтевшими от времени страницами редчайших фолиантов. Достопочтенный Максимулус Дар не знал, как благодарить учтвого юношу, которого ему, как казалось тогда, послало само небо. Прозорливый Адальберт отказался от платы, хотя услужливое воображение усердно рисовало ему, какое славное пиршество можно устроить на первые заработанные профессией деньги, а взамен попросил суший пустяк — раз в неделю брать на дом из библиотеки книги из запретного сектора хранилища, куда доступ имели лишь избранные. Чтобы, так сказать, не пугая редких посетителей, иметь возможность в тиши и спокойствии на практике проверить теоретические рекомендации по вызову демонов, изложенные в них. В самом деле, не чертить ведь пентаграммы на полу библиотеки в присутствии посторонних! Эдак уже через несколько секунд набегит целая толпа любопытствующих, желающих поглазеть, чем же закончится редкая забава.

Естественно, Максимулус Дар сначала возмутился подобной наглости. Как! Никто не имеет права выносить книги за пределы библиотеки. Кто поручится за их сохранность? Вдруг полунищий маг сразу же отправится в бега, прихватив с собой самые ценные экземпляры? Однако Адальберт пригрозил, что в таком случае выгнанные крысы вернутся обратно уже к вечеру, да не одни, а прихватят с собой многочисленное подкрепление. И тогда максимум через неделю архивариус обнаружит, что стал обладателем самого большого в мире скопления бу-мажной трухи и обгрызенных пустых переплетов. Максимулус

побледнел от невольного ужаса, мысленно представив эту сцену. Но Адальберт не ставил своей целью запугать несчастного старика. Убедившись, что архивариус готов проклясть тот день, когда обратился к нему за помощью, маг продолжил вкрадчивые уговоры, немного смягчив тон. И предложил для успокоения совести архивариуса оставить ему в залог клятву. Все знают, что ни один маг не смеет нарушить данного слова, скрепленного огнем и кровью. Если Адальберт действительно сбежит с книгами, то Максимулус в любой момент сможет призвать его к ответу. Просто произнеси: «Силой, данной мне богами, повелеваю тебе вернуться!» — и отступник в кратчайший срок окажется перед твоими глазами, поскольку не сможет ни есть, ни спать, терзаемый сильнейшими головными болями.

В общем, именно по этой причине Адальберт сутки напролет проводил за изучением древних ритуалов и редких заклинаний. И хотя живот у него все чаще бурчал от голода, маг не обращал на временные трудности никакого внимания. Подумай! Совсем скоро он станет поистине уникальным специалистом в своем деле. Еще немного времени — и его имя начнут передавать из уст в уста, многогласно славя за подвиги на опасном поприще охоты за демонами.

И вот сегодня Адальберт решил провести свой первый самостоятельный вызов рогатой нечисти. Нет, он уже присутствовал при подобном действе, но не в одиночку, и пока все его участие ограничивалось долгой и утомительной прорисовкой пентаграммы, на что его более опытные товарищи не желали тратить несколько часов кряду, и последующим наблюдением за процессом вызова со стороны.

Адальберт задумчиво почесал подбородок и наконец-то оторвался от чтения. Недовольно оглядел крохотную темную комнату, совершенно не приспособленную для подобных целей. Н-да, о драгоценном базальте из Мортании остается лишь мечтать. Ну что же, никто не рождается сразу великим магом. Рано еще грезить о поимке высшего демона, разумнее начать с чего-нибудь более простого.

Страницы книги вдруг зашелестели, словно от сквозняка. Адальберт удивленно вскинул брови, не чувствуя в комнате ни малейшего дуновения ветерка. И через мгновение все закончилось, будто только привиделось ему. Но книга уже была открыта на совершенно другой странице.

«Закливание вызова саламандры», — прочитал Адальберт.

Нахмурился, пытаясь выудить из памяти сведения об этом виде нечисти. Итак, что он знает о саламандрах? Да ничего дурного в принципе. Их и нечистью-то назвать трудно. Ну, поселится такая ящерка у него в камине. Хоть будет с кем словечком перемолвиться. Да и ухаживать за ней особо не надо. А если надоест — продаст алхимику какому-нибудь, они вечно с их помощью философский камень пытаются сделать. Решено!

И Адальберт принялся внимательно изучать заклинание. Благо, что оно оказалось весьма легким. Никаких вычурных пентаграмм, никаких приношений кровью и прочей чепухи. Все-го-то и надо что круглый сосуд из прозрачного стекла и несколько зеркал, сфокусированных на нем определенным образом.

За приготовлениями к ритуалу незаметно миновал остаток дня. Поздним вечером Адальберт расположился около зажженного камина. Перед ним на небольшом столике была закреплена стеклянная сфера, которая, казалось, бурлила алыми всполохами близкого огня. Многочисленные зеркала, расположенные вокруг нее, дробили блики на тысячи и тысячи искр.

Адальберт встряхнул головой, с трудом отвлекшись от чарующего зрелища. Уставился в книгу и торжественно произнес первую строку заклинания...

Мэрта не верила в гадания. В самом деле, как-то глупо здоровой рослой демонице, воину от рождения, участвовать в глупых забавах и пытаться разглядеть в обманчивых отражениях зеркал внешность своего будущего избранника. Поэтому не было ничего удивительного в том, что Мэрта напрочь забыла о кануне дня осеннего равноденствия, когда так и манит хоть одним глазком увидеть будущее. Тем более что сегодня демоницу отправили патрулировать верхние уровни Лабиринта в наказание за спор с одним из старейшин. И сейчас Мэрта мрачно мочила копыта и хвост в крохотном озерце, вновь и вновь переживая вопиющую несправедливость. Где это видано, чтобы воина отрядили на выполнение столь позорного задания?!

Поверхность озерка была совершенно гладкой. Ни ветерка, ни плеска. словно смотришься в бездонное черное зеркало.

Неожиданно Мэрта нахмурилась. Ей почему-то стало не по себе. словно чей-то чужой внимательный взгляд обжег ей спину между лопатками. Демоница резко обернулась, в прыжке вскочив на ноги, но вокруг все было тихо и спокойно.

— Нервы, — прошептала она себе под нос, смущенно пряча